

с горечью писал он, — смеются плохописанию...» (41). Упрекая Плешковича в том, что он «зазирает» от иноземцев принимать иконные изображения» (50), Владимиров всячески стремился оправдать их в глазах русского православного общества: «Они бо еще и маловернии, — писал он, — но обаче многих святых апостол и пророк на листех и на стенах тщательно воображают» (42). Такая же опора на взгляды иностранцев была характерна для Симеона Полоцкого, который пользовался подобными ссылками для осуждения народной иконописи: «... иностраннии же, то зряще, не ко славе божественных хвалы слова вешают». «То ли честь святым иконам и пишущим, — продолжал он, — их же художество по торжкам влачимо и всячески от невежд посмеваемо? Не сих ли вин зазирают иностраннии?» (5—6). Ранее Симон Ушаков полагал, что многие русские изографы пишут «смеху паче» и тем «поруганию чуждестранных себе представляют...» (24).³⁹

Демонстративным признанием непререкаемости западных образцов иконописания как предмета почитания звучали слова Владимирова: «... от рук иноземных любочейно испуем ... и приемем Христово воображение на листех и на досках, любезно целующи» (48). Совершенно противоположным было непреклонное требование Аввакума ко всем «верным», оснащенное библейскими ассоциациями: «Не покланяйся и ты, рабе божий, неподобным образом, писанным по немецкому преданию, якоже и трие отроки в Вавилоне телу златому... Толсто же телищом-то тогда было и велико, что нынешние образы писанные по немецкому!» (287).

В полном соответствии с позитивными воззрениями на иконопись самого Владимирова, как и других представителей придворно-эстетических взглядов, находились и его негативно-критические суждения. Владимиров начал идейное наступление на русскую демократическую традицию иконописания. Не упоминая даже о непреходящих образцах старой национальной иконописи (Андрей Рублев и окружавшие его изографы), бывших перед его глазами в кремлевских соборах, Владимиров обрушился на иконописание народное (крестьянское, отчасти, видимо, и посадское). Его искренне возмущали повсюду распространившиеся образцы «грубописания» и «плохописания» неискусных «мазарев», которые «от невежд грубо писати в сельских домах обыкоша» (36) и которые «не токмо торговья шалаши и простаков дома, но и церкви плохописанными наполнили» (40). Владимиров настойчиво повторял: «прости и неученые человеки» (38), «несмыслении» (25), «мазари буи» (40), «прости же и невежди отнюдь во иконописании бываемых не разумеют право и криво, что застарело, того и держатся» (25). Иконописное дело «начальнейших небрежением» перешло в руки «простакам и неукам» (33), они же «твсрят для невегласов» (52), а «невегласи уклоняются в темнообразные иконы» (61), ценят иконы «от небрежения непорядливых баб в дыму закоптелье...» (59). Не следует веровать лжи «пустошных и посельских малярей» (42), убеждал Владимиров, не следует соглашаться и с Плешковичем, который «от невежскаго его разсуждения тако мудрствует» (25).⁴⁰

³⁹ Ю. Н. Дмитриев справедливо указал, что борьба Симеона Полоцкого и Симона Ушакова против «искусства, создаваемого народом» являлась одним «из проявлений классовой борьбы», причем первые русские трактаты по искусству «обосновывали „высокое“ искусство господствующего класса» (Ю. Н. Дмитриев, стр. 110)

⁴⁰ Ф. И. Буслаев высказал предположение, что Владимиров преследовал «в Иване Плешковиче грубый раскол и невежественное староверство». См.: Ф. И. Буслаев. Русская эстетика XVII века. — Сочинения, т. II, СПб., 1910 (далее: Ф. И. Буслаев), стр. 428.